

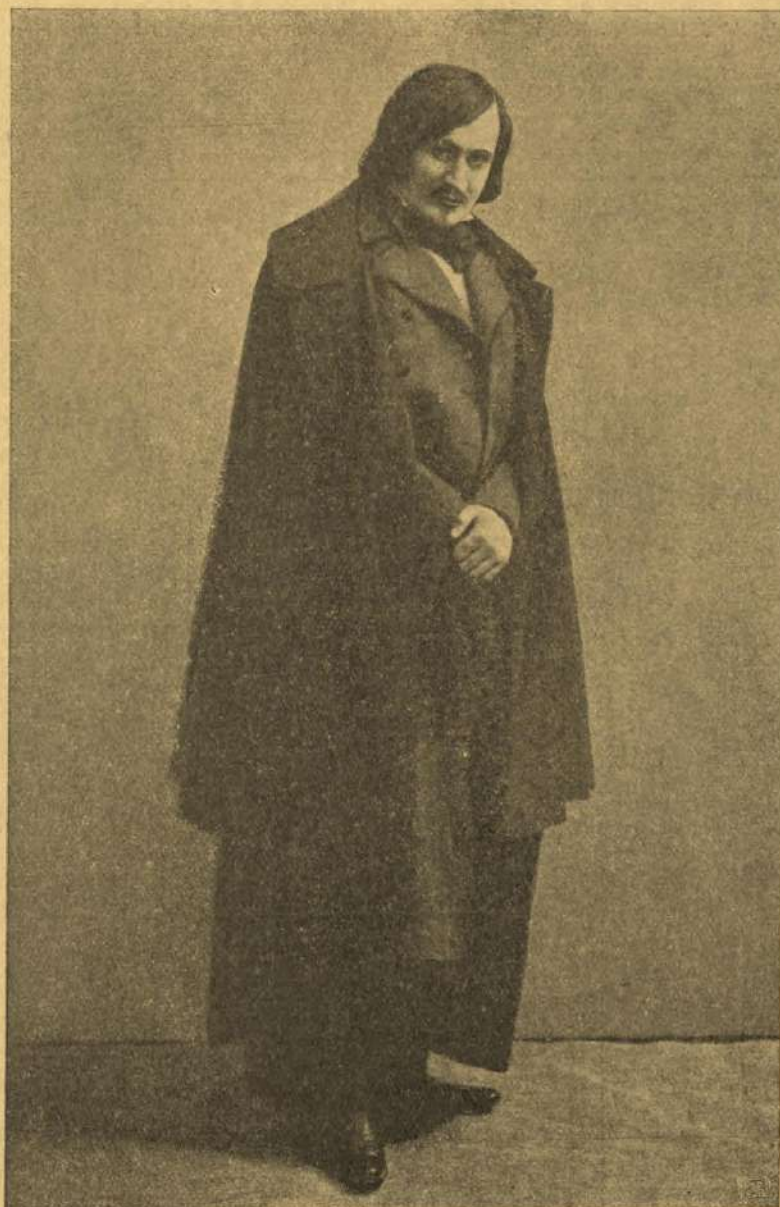
Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

№ 5 (18)

и ЖИЗНЬ

1909.

Г. Ленинъ въ роли Гоголя.
(„Разъѣздъ“ на сц. Малаго театра, 28 апрѣля).

МОСКВА

Исторія перваго представленія „Чайки“ на сценѣ Александрискаго театра 17 октября 1896 г.

Воспоминанія Евт. Павл. Карпова.

(Продолженіе*).

Ант. Павл. Чеховъ, аккуратно приходя каждый день въ театръ съ И. Н. Потапенко, принималъ живое, дѣятельное участіе въ репетиціяхъ. Онъ, видимо, очень волновался, хотя и не хотѣлъ этого показать.

То и дѣло онъ вставалъ со своего кресла у суфлерской будки, уходилъ за кулисы и бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ артистовъ.

Чехова коробилъ всякій фальшивый звукъ актера, затрепанная, казенная интонація. Несмотря на свою стыдливую деликатность, онъ нерѣдко останавливалъ среди сцены актеровъ и объяснялъ имъ значеніе той или иной фразы, толковалъ характеры, какъ они ему представляются, и все время твердилъ:

— Главное, голубчики, не надо театральности... Просто все надо... Совсѣмъ просто... Они всѣ простые, заурядные люди*...

Когда передъ сценой, сколоченной изъ досокъ въ саду Сорнина, появились двѣ актрисы, изображающія тѣни, Ант. Павл. замахалъ руками:

— Зачѣмъ?.. Зачѣмъ эти дѣвы!.. Понимаете, тамъ ничего этого не было... Просто, два плотника, вотъ которые строили сцену, завернулись въ простыни и стали по бокамъ. Вотъ и все!.. Вотъ и тѣни!

Я боялся, что появленіе изъ-за кустовъ закутаныхъ въ простыни плотниковъ вызоветъ смѣхъ публики и нарушитъ настроеніе передъ монологомъ Нины Зарѣчной, и уговорилъ оставить актрисъ.

Антонъ Павловичъ нехотя согласился.

Къ В. Ф. Комиссаржевской Чеховъ вначалѣ относился недовѣрчиво и очень огорчался отказомъ М. Г. Савиной.

— Талантъ Савиной я знаю... А Комиссаржевская для меня величина неизвѣстная...— съ грустной улыбкой говорилъ мнѣ Антонъ Павловичъ.— Боюсь я...

Но уже послѣ первой репетиціи Ант. Павл. видимо, успокоился за роль Нины и, прощаясь со мной, на мой вопросъ: — какъ ему нравится Нина—Комиссаржевская? отвѣтилъ: — „Ничего... Она сыграетъ...“

Присутствіе на репетиціяхъ Антона Павловича оживляло, поднимало актеровъ. Работа шла нервно, лихорадочно. И чѣмъ дальше подвигались репетиціи, тѣмъ спокойнѣй становился Антонъ Павловичъ.

Помню, мы вышли вмѣстѣ съ Ант. Павл. и Игн. Н. Потапенко изъ Михайловскаго театра, гдѣ репетировали „Чайку“.

Комиссаржевская уже овладѣла ролью Нины, и въ этотъ разъ была, что называется, въ ударѣ.

— Ну, если она такъ сыграетъ на спектакль, будетъ очень хорошо!..— сказалъ, пощипывая бородку, Антонъ Павловичъ.— Лучше не надо!..

Игнатій Николаевичъ Потапенко былъ въ восторгѣ отъ Комиссаржевской въ роли Нины.

Мало-по-малу артисты достигли общаго тона. Получались должныя настроенія, уже чувствовался ансамбль... Пьеса шла въ мягкихъ, жизненныхъ интонаціяхъ. В. Н.

М. Е. Салтыковъ (Шедринъ).

Къ 20-лѣтію смерти великаго сатирика († 28 апрѣля 1889 г.), подарившаго русской сценѣ „Смерть Пазухина“ и „Простителей“.

Давыдовъ, В. Ф. Комиссаржевская давали тонъ всей пьесѣ. Р. Б. Аполлонскій игралъ очень нервно, но грубовато. Н. Ф. Сазоновъ не далъ Тригорина, котораго хотѣлъ видѣть Чеховъ. Онъ былъ слишкомъ опредѣленъ, не гибокъ, мало интеллигентенъ, если можно такъ выразиться. Суха и некрасочна, хотя вѣрна намѣченному рисунку, была Дюжикова. Остальные репетировали въ мягкихъ тонахъ, довольно вы-

держано. И только К. А. Варламовъ своей яркой, сочной игрой вылъзалъ изъ рамы.

Все, что можно было сдѣлать въ неимоვნно короткій срокъ, въ восемь репетицій, для такой тонкой пьесы полутоновъ, какъ „Чайка“, — все было сдѣлано.

Генеральная репетиція прошла гладко съ ансамблемъ, но вяловато. Чувствовалось, что у актеровъ опустились нервы, не было настроенія, огня...

Антону Павловичу понравились декорация, обстановка, гримы, но онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, чувствовалъ, что пьеса идетъ безъ подъема, безъ настроенія...

Въ зрительномъ залѣ на генеральной репетиціи сидѣла почти вся драматическая труппа, театральные чиновники и ихъ родственники...

Антонъ Павловичъ въ одномъ изъ антрактовъ обвелъ глазами сидящую публику и какъ бы про себя спокойно проговорилъ:

— Пьеса не понравится... Она не захватываетъ...

— Что за пустяки!.. Почему вы такъ думаете?.. — протестовалъ я.

— А вы посмотрите на выраженіе лицъ у публики... Она скучаетъ... Имъ неинтересно...

Я, конечно, сталъ разувѣрять Антона Павловича, но въ душѣ самъ боялся за успѣхъ пьесы.

Не пойметъ публика всѣхъ этихъ тонкихъ настроеній, этой глубокой, некрикливой, жизненной драмы... — думалъ я. Другое, совсѣмъ другое привыкли видѣть стѣны Александринскаго театра за послѣдніе годы.

Въ предыдущемъ сезонѣ здѣсь жужжала „Первая муха“, рѣзвилась „Вава“, смѣшила публику безподобная игра М. Г. Савиной въ „Генеральшѣ Матренѣ“ и В. Н. Давыдова въ нѣмецкой пьесѣ „Сверхъ комплекта“. „Чайка“ залетѣла сюда, какъ первая ласточка новой весны, и потому-то мнѣ стало страшно за нее.

Е. И. Левкѣева, талантливая комическая актриса, съ легкой склонностью къ шаржу, была одной изъ любимицъ публики Александринскаго театра. У нея была своя, особенная публика — средней обыватель, полуинтеллигентъ-чиновникъ, богатый гостиннодворецъ, домовладѣлецъ, приказчикъ. Словомъ, та публика, которая приходитъ въ театръ посмѣяться, развлечься, „съ пріятностью провести время“.

Съ верху до низу набила эта публика Александринскій театръ въ день 25-тилѣтняго юбилея Е. И. Левкѣевой, несмотря на весьма повышенныя цѣны. Петербургскій „высокій интеллигентъ“ вообще не жаловалъ въ то время Александринскаго театра. Многіе выдающіеся писатели по цѣлымъ годамъ тамъ не бывали, а итти на юбилей Е. И. Левкѣевой, по высокимъ цѣнамъ, доставать загодя билеты, записываться, — нѣтъ, не стоитъ игра свѣч!..

Интеллигентная публика, за весьма малымъ исключеніемъ, отсутствовала. Въ театрѣ сидѣлъ зритель, пришедшій на бенефисъ комической актрисы повеселиться, посмѣяться, пріятно провести вечерокъ. И среди этого благодушнаго обывателя торчалъ кое-гдѣ желчно настроенный, угрюмый, вѣчно всѣмъ недовольный, скучающій газетный рецензентъ и два-три литератора, близкіе друзья автора.

Таковъ былъ зрительный залъ на первомъ представленіи чеховской „Чайки“ въ Александринскомъ театрѣ, 17-го октября 1896 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Евтихій Карповъ.